

ГЛАВА 1

Глаза неожиданно распахнулись. Прервалось «состояние, похожее на сон» — как он мысленно окрестил эти нашествия кошмаров и тоскливых видений. Организм в такие часы почти не отдыхал. Зрение обретало резкость, и вместо каши в голове появлялись ясные мысли. Обстановка не менялась. Он лежал на дощатых нарах, на которых лежали матрас и худая подушка. Крохотная камера-одиночка в изоляторе НКВД города Кингисеппа — стены в разводах, потолок с засаленной лампой, которую включали, когда не нужно. В проржавевшей двери было прорезано оконце — для подачи пищи и наблюдения за арестантами. В углу находилось крытое фанерой отхожее место — в общем, удобно, но зловонно, неэстетично и лишний раз не погуляешь. Выводили только на допрос.

Узник приподнялся, сел на нары. Ныли кости, болела ссадина на виске — результат вчерашней беседы со следователем. Сколько дней он здесь находился? Семь или восемь? Поначалу считал, потом сбился. Еду доставляли нерегу-

лярно, окна отсутствовали. Узник был сравнительно молод, ладно сбит, но продолжительный арест не прошел даром — взгляд потускнел, щеки обросли щетиной, скомкались светлые волосы. Форма капитана Красной армии (за исключением ремня и фуражки) превратилась в отрепья. Отрешенный взор уперся в стену, до которой можно было дотянуться рукой. Сухие губы хрипло бормотали:

— Я капитан Красной армии Хабаров Алексей Владимирович, сотрудник третьего отдела Смерша, двенадцатого года рождения, нахожусь в районном изоляторе НКВД города Кингисеппа... по обвинению в халатности, перетекающей в сговор с врагом и измену Родине... Сижу семь или восемь суток, сейчас предположительно утро... или день, нахожусь в здравом уме и ясной памяти...

Узник расслабился. Больше всего он боялся потери памяти, что является первым признаком умственного расстройства. Звоночки были: как-то после пробуждения он метался по камере, не мог вспомнить, где находится. Но сейчас все в норме. Что бы еще вспомнить? Не женат, родился в маленьком городке под Самарой — тогда еще не Куйбышеве; уже в сознательном возрасте переехал с родителями в Ленинград, отец преподавал, скончался в 38-м — не выдержало сердце; мама промучилась два года, заспешила к своему любимому Владимиру Михайловичу — просто зачахла от тоски. Грешно так думать, но,

может, и к лучшему — не видели страшной блокады, унесшей сотни тысяч жизней... Еще что? Да, если фортуна повернется лицом (что маловероятно, но технически возможно), не забыть набить морду майору Дельцову — виновнику его ареста! Пусть и чревато новым арестом, но сделать это нужно обязательно...

Лязгнула задвижка, и приоткрылось оконце. Узник вздрогнул, взгляд переместился на дверь. В оконце возникла заспанная физиономия охранника. Служивый смерил взглядом сидельца и закрыл окно, воздержавшись от комментария. Все знали, что арестант — сотрудник Смерша. И лучше помалкивать, мало ли что. Вряд ли выйдет, но... благоразумие, возвращенное на страхе, порой сильнее любви к родному социалистическому государству...

Взгляд вернулся на исходную точку. Значит, рано приглашать на допрос. На стене напротив кто-то нацарапал бранную тираду в адрес советской власти. Надзиратели проглядели. А возможно, им было плевать. На другой стороне — еще одно послание — коряво, с наклоном влево: «Товарищи, умираю, но не сдаюсь...» Какие только люди не сидели в этих стенах. Возникало странное ощущение, что многих из них можно было и не сажать...

Состояние «здорового ума» приходилось поддерживать. В том числе физическими упражнениями. Алексей поднялся, сделал разминку. Закружилась голова, сел обратно. Но делать

разминку надо — хоть до «стенки» добраться, но собственным ходом. Ясность в голове тоже приходилось тренировать. Он решал несложные математические задачи, вспоминал и проигрывал сценки из жизни. Белые ночи, Нева, секретарь районной комендатуры Алла Боярская, которую он любил, невзирая на больную маму и ребенка от первого брака. Алла погибла во время бомбежки — вместе с мамой и ребенком. Он вспомнил, как тупо смотрел на то, что осталось от тел, и в душу забиралась тоска... Ленинградский фронт, Волховский, снова Ленинградский, бешеная мясорубка в районе Ладоги, когда немцы пытались вновь заблокировать город. Два ранения, маета по госпиталям, перевод из дивизионной разведки в новообразованный Смерш. В тылу орудовала целая сеть вредителей, фашисты не гнушались привлекать на свою сторону даже детей. Психика у них податливая, лепи, что хочешь, особенно если родители были кулаками, лавочниками или служили в Белой армии. В окрестностях Гатчины взяли банду малолеток, подбрасывающих взрывчатку в контейнеры с углем. Злобные волчата — жались друг к дружке, стреляли глазами, шипели, огрызались. А когда дошло, что это конец, стали обливаться крокодиловыми слезами. В советскую прессу такие факты не просачивались. От увиденного волосы вставали дыбом. Растерянные бойцы не знали, что делать с этими подарками. Расстрелять не поднималась рука. Таких убьешь — потом всю

ЧЕРНАЯ ТЕНЬ ПОД ВОДОЙ

жизнь являться во сне будут. Проводили воспитательные мероприятия — лупцевали солдатскими ремнями. Потом сдавали, куда положено, старались забыть эти заплаканные детские лица...

Первого февраля войска наступающего Ленинградского фронта освободили Кингисепп. Германское командование сосредоточило на западе Ленобласти огромные силы: пять армейских корпусов 18-й армии Линдемана, 3-й танковый корпус, моторизованную бригаду СС «Недерланд». Но остановить Красную армию было невозможно. Освободили Лугу, Гдов, взяли плацдарм на берегу Чудского озера. Одну за другой громили дивизии противника. Пришло победное время — после череды отступлений и неудач. 42-я армия стремительно взламывала оборону. Под Кингисеппом, который штурмовали с нескольких сторон, взяли в клещи серьезную группировку, стали уничтожать ее артиллерией. Немцы яростно сопротивлялись — приказа отступить им не давали. Фюрер бился в припадках: удерживать Ленинградскую область до последнего солдата! Были уничтожены штабы армейских корпусов. В один из пунктов управления на окраине Кингисеппа, где находились генералы и штабные офицеры, прилетела дюжина тяжелых снарядов. В огне сгорела половина командования группировки. Опознать обгорелые тела не могли, но они, безусловно, радовали глаз. Оперативники контрразведки входили

в город на плечах пехоты, выявляли оставшихся диверсантов, хватали разбегающихся офицеров. Передышка была недолгой. Войска наступали к Нарве, и контрразведку перебросили в действующие части. Круглосуточно работали с перебежчиками, с «языками», доставляемыми разведкой, с разоблаченными шпионами, предателями и прочей нечистью... Но наступление стопорилось, войска несли потери. Немцы перебрасывали на фронт свежие части: пехотные дивизии, моторизованные дивизии СС «Нордланд» и «Фельдхернхалле». На западном берегу Нарвы был захвачен плацдарм. Но дальше наступление не пошло. Десант на побережье Нарвского залива потерпел неудачу. Установилось затишье — враждующие стороны были вконец измотаны. И все же 18-я армия вермахта потерпела поражение, противника отбросили от Ленинграда на 250 километров, и никакого шанса вернуться ему не оставили...

В середине апреля капитан Хабаров со своими людьми вернулся в Кингисепп. Контузия, полученная при минном налете, подпортила здоровье. «Задумчивым становитесь, товарищ капитан, — подметил подполковник Васильев, подписывая приказ о переводе в тыл. — А надо меньше думать, больше работать». В тылу тоже было чем заняться. Лазутчиков в действующей армии было немного (постоянная ротация, смена дислокации), в тыловых же структурах они плодились как кролики. Клешни абвера тя-

нулись в партийные и хозяйственные структуры, в гарнизоны, в ряды Рабоче-крестьянской милиции. Случались ошибки, брали не тех — некомпетентных сотрудников тоже хватало. Но дела старались не фабриковать, реальный враг доставлял серьезные хлопоты. Целого полковника вермахта захватили под деревней Хмаровкой, в 15 километрах к западу от Кингисеппа. Местность болотистая, глухие леса. Отличилась тамошняя ребятня — засекли пацаны, что кто-то таскает в Черную топь продукты и одежду. Местечко гиблое, трясины. Красноармейцы проложили гать в топь. Там явно кто-то прятался. Бой был скоротечный. Половину окруженцев перебили, остальные сдались. Народ изумлялся — надо же, Робинзоны Крузо! Снег уже растаял, но было холодно. Люди, загнанные в начале февраля в болото, выживали как могли, слепили подобие глиняной избы, печку. Удивленным взорам предстали полковник Реслинг, бригада которого полегла неподалеку, пара штабных офицеров, солдаты, троица полицаев, не давшая этим заморышам помереть с голоду. За два с половиной месяца они превратились в леших — оборванные, бородатые, одетые непонятно во что. В избешке нашли рацию с практически севшей батареей. Данный факт должен был насторожить, однако не насторожил. Из Кингисеппа для конвоирования прибыла группа: трое контрразведчиков и столько же рядовых бойцов. Задание казалось пустячным, ведь действие происходило

в глубоком советском тылу! Машина сломалась за деревней, где стояла воинская часть. И даже это не насторожило! Плюс проклятая рация, по которой «робинзоны» явно вызывали помощь. Последняя явилась только сейчас — значит, раньше не было технической возможности. Все логично, бдительность на освобожденных территориях слабеет с удалением линии фронта. Возвращаться в деревню Хабаров не стал. Восемь верст — не крюк. В скоплении ивняка у пересохшей речушки группу поджидали. Диверсанты прибыли в штатском, увешанные оружием. Конвоиры полегли под проливным огнем, погибли оба сотрудника. Один из пленных офицеров получил ранение шальной пулей (впоследствии его добились свои же). Гауптман зарылся носом в землю, выжил. Алексей пинком отправил Реслинга в кусты — тот скатился по склону, сминая растительность, и остановился, врезавшись в пень. Алексей расстрелял все патроны в автомате, обе обоймы в «ТТ» и побежал, петляя, как заяц, увертываясь от пуль. Он попытался поднять оглушенного Реслинга, но тот потерял сознание и только мычал. Выбора не осталось — враг наседал. Бросаться на автоматы, имея первый юношеский разряд по боксу? Оберст не двигался, на затрещины не реагировал. Хабаров бросился в чащу — диверсанты уже подбежали. Их было человек шесть, говорили по-немецки. Капитан покатился по корням и муравейникам, пули сшибали ветки и только чудом не заде-

вали его. Диверсанты одинокого офицера преследовать не стали, вернулись. Когда Хабаров выбрался из чащи, Реслинга уже унесли. Боль в теле была невыносимой, но Хабаров шел за ними, подобрал автомат, что лежал рядом с телом мертвого красноармейца. Завыл от отчаяния, когда завелась машина, и бросился через кустарник. Грузовик уже уехал, проселок опустел. Акцию спланировали с умом, заранее подогнали машину. В кустах осталось тело мертвого обер-лейтенанта и пять тел из группы конвоя. Перехватить машину по свежим следам не удалось. Пока он добрался до ближайшего поста на дороге, ушло время. Зачем блокировать шоссе, если противник виртуозно использует проселочные дороги?! Диверсантов и след простыл, упорные поиски ни к чему не привели. Капитана Хабарова арестовали через день — прибыли на «эмке», предложили сдать оружие и следовать за ними. Опасения подтвердились — без майора Дельцова из следственного отдела дело не обошлось. Уж больно неласково все это время майор поглядывал на него. Работник был средний, пуль и взрывов боялся пуще холеры. Конкуренции и критики на дух не выносил. Любимые занятия — вылизывать зад начальству и фабриковать дела. Кому-то этот жалкий человек был нужен, раз отирался при штабе.

«Именем советского народа вы арестованы, гражданин Хабаров. Будем выяснять меру вашей ответственности». — Дельцов буквально лучился

от счастья. Рождаются же такие! Он лично проводил допросы. Сначала все было пристойно, соблюдали форму, рук не распускали. Версия о халатности их явно не устраивала, хотелось большего. Хабаров настаивал: даже на халатность его проступок не тянет! Действовали по инструкции, решение двигаться пешком явилось вынужденным. Да, возможно, он недооценил опасность... Допросы выходили на новый уровень, коллеги Дельцова проявляли фантазию и изощренность.

«Признавайтесь, гражданин Хабаров, вы вступили в сговор с вражескими шпионами и передали им точный маршрут следования конвоя».

«Кретины! — хрипел Алексей, уже получивший по затылку. — Что вы несете, фантазеры хреновы? Как я мог вступить в сговор, если все время находился рядом со своими товарищами? Вам знакомо такое понятие — физическая возможность? В штабе «крот», неужели не ясно? Он сливает за линию фронта ценные сведения, а вы ищите кого угодно, только не его!»

За «хреновых фантазеров» он получил отдельно. Следовательно, науськанный Дельцовым, входил в раж. Впрочем, по голове почти не били — осталась единственная отметина на виске. А вот по прочим местам разминались с удовольствием. Болели почки и печень, локти и колени. Когда бросали в камеру, терзало отчаяние, хотелось лезть на стенку, и мысль о самоубийстве уже не казалась возмутительной...

Все шло к логической развязке. Допросы с пристрастием будут учащаться, арестанта сломают. И не таких ломали. Признательные показания он подписывать не будет, в чем признаваться? Но обойдутся и без них. Дело слепят, человека расстреляют, а «крот» продолжит свою работу... Мысль: они что, полные идиоты? — замешалась другой: они не идиоты, все понимают. Но лучше ведь искать не там, где потерял, а там, где светлее? На очередные скрипы он не реагировал. На этот раз отворилась дверь, охранник буркнул:

— На выход. Руки за спину, — и как-то спешно посторонился. Даже глаза смущенно отвел. Расстрелять решили — для устранения утомительной бюрократической волокиты? Зачем возиться, и так все ясно. Враг виден невооруженным глазом.

Он ничего не чувствовал, надоело все. Шел, прихрамывая, жалея, что из-за боли в коленях не может позволить себе идти упругой походкой. Странно, его не вывели на улицу, подняли выше, конвоир мотнул подбородком: заходи. За спиной захлопнулась дверь. Коренастый мужчина в форме полковника — с мясистым носом, с седой растительностью на голове, похожей на лишайник, — отвернулся от окна. Он тоже выглядел смущенным, но глаза не прятал. Помялся, словно хотел подойти к своему подчиненному, пожать руку, но не стал. Остановился посреди кабинета, покачал головой и неловко пошутил:

— Нас секут, а мы крепчаем. Извини, Алексей, плохая шутка. Ты отвратительно выглядишь.

— Согласен, товарищ полковник. Оздоровительный санаторий — через два квартала. Вы тоже будете раскручивать на измену? Считаете это нормальным?

— Перестань, — поморщился полковник Вышковец, заместитель начальника оперативного отдела контрразведки 42-й армии. — Никакой ты не предатель, это понимают все, и даже твои следователи. С преступной халатностью тоже сложно — не вижу в твоих действиях состава преступления. Все мы люди, а враги тщательно подбирают момент, когда мы наиболее уязвимы. В общем, садись и слушай. Получишь выговор. Ты не справился с заданием, погибли люди. Все обвинения с тебя сняты, ты свободен. Извини, что сразу не вытащил. Была командировка в Лугу, потом нужно было разобраться в твоём деле. Сам понимаешь, что такое в наше время — ратовать за человека со столь серьёзными обвинениями. В ход пошли мои связи и твои заслуги... М-да, такое случается нечасто — чтобы нашего брата закрывали за измену, да ещё с такой помпой...

Полковник украдкой посмеивался. Хабарову было все равно. Хорошо, что сидел — ноги потеряли чувствительность, голова кружилась. Это тот самый исход, о котором он мечтал?

— Спасибо, Василий Андреевич... — слова давались с трудом. — Вы должны понимать, что я могу быть виноват в чем угодно, но я не предатель.

— Понимаю, не глуп. — Вышковец сел за стол и пристально воззрился на подчиненного.

— В штабе действует «крот», товарищ полковник. Доставить подготовленных диверсантов в нужный квадрат — дело суток. Эти сутки у них были. Мы не сразу выдвинулись из Кингисеппа.

— Это понятно, — отмахнулся Вышковец. — Соответствующая работа уже ведется, но ты в ней не участвуешь.

— Как это? — не понял Алексей. — С меня точно сняты обвинения?

— А ты себя в зеркале видел?

— Пока нет.

— Вот и не смотри. Зрелище, мягко говоря, печальное. Ты молодой, здоровый, быстро встанешь в строй, но пока, извини, будешь держаться подальше от ответственной работы. Да и пусть шум уляжется. А что касается «крота», то мы действительно работаем. Соблазн назначить им тебя уже преодолен, — полковник не удержался от саркастической гримасы. — Не та ты фигура, Хабаров, и компетенции у тебя маловато — не вхож в нужные круги. И «крот» не Дельцов, уж не обижайся. Шпионаж — дело тихое, а этот всему свету себя показывает. В общем, это не он. Если абвер, конечно, не сменил тактику. Хочу тебя предупредить, Алексей, — полковник сде-

лал строгое лицо. — Набить морду майору Дельцову — дело святое, но постарайся воздержаться. Пусть живет и здравствует. Когда-нибудь получит по заслугам. Натворишь дел — дверца закроется окончательно.

— Хорошо, Василий Андреевич, буду стараться. Я могу продолжать службу?

Полковник не ответил. Он с каким-то затаенным любопытством разглядывал собеседника, словно примерял на себя его шкуру — ведь то, что случилось с Хабаровым, может произойти с каждым. Тот действительно был не в лучшей форме, но ничего смертельного. Выспаться, обильно поесть, выбросить из головы все, что не лечится... Ничего невозможного для советского человека. Вышковец закурил, пространство вокруг окуталось ароматным папиросным дымом. Спohватившись, поднялся, сунул папиросу подчиненному, щелкнул зажигалкой. Не отходил, ждал, пока тот сделает первую затяжку. У Хабарова закружилась голова, Вышковец, посмеиваясь, придержал Алексея за плечи.

— Держись? Смотри, не падай. Дело рядовое. Из меня осколок в том году извлекали — две недели не курил. Потом послал всех, вышел в коридор, затынулся — так все половицы пересчитал. Медсестры поднимали и умоляли не писать жалобу. Сидишь? — ухмыляясь, полковник вернулся за место. — Есть у меня намерение, капитан, отправить тебя по одному делу. Это рядом, сорок верст.